

вниманіемъ я созерцалъ всѣ фазисы расцвѣта утренней зари—этой прекрасной богини арійскихъ мѣологій.

— Аллахъ-ху-акбаръ (Богъ великъ!)!—раздалось около меня. Я оглянулся; старый Абдъ-Алла вышелъ изъ палатки съ глиняной кружкой съ длинною шейкой. Увидѣвъ восходящее свѣтило, онъ набожно развелъ руками и повергся ницъ, погружая свое лицо въ песокъ, и прочиталъ небольшую фатха. Затѣмъ онъ привѣтствовалъ меня словами—саба-хелькеръ (счастливое утро)! Пожелавъ кромѣ того мира душѣ моей и осведомившись о моемъ здоровьѣ, онъ пошелъ къ ручейку, чтобы совершить омовеніе. Уже въ догонку старику я послалъ свое привѣтствіе.

За полчаса до восхода солнца каждый мумменинъ (правовѣрный) долженъ совершить утреннюю молитву—феджаръ, чтобы ангелъ утра, нисшедшій съ небесъ, занесъ его въ списокъ совершившихъ законъ пророка. Въ городахъ Востока муэзинъ съ высоты минарета въ этотъ часъ дѣлаетъ свой первый призывъ къ молитвѣ, обыкновенно далеко до восхода солнца, когда задремываютъ первые лучи нарождающагося дня.

Старый Абдъ-Алла въ пустынѣ принялъ на себя обязанность муэзина. Громкимъ, привычнымъ проповѣдывать голосомъ, онъ началъ приглашеніе, войдя въ середину каравана.

Зычный голосъ стараго шейха, то подымаясь, то опускаясь на цѣлыя октавы, разносился далеко по пустынѣ, которая еще была безмолвна и покоилась сномъ, облитая золотыми лучами восходящаго солнца. Быстро вставали и выходили изъ своихъ палатокъ правовѣрные, произнося хвалу Богу и великому пророку. Всѣ они имѣли въ рукахъ небольшіе кувшины и коврики и отправлялись за Абдъ-Аллою на ручеекъ, чтобы совершить священное омовеніе (ель-удгуу) текучею водою, какъ предписываетъ коранъ. Мои проводники, —очень плохіе мусульмане, сильно обевропеившіеся, —въ дорогѣ часто не исполняли того, что требуетъ законъ, но теперь, слѣдуя благому примѣру, отправились за хаджами, чтобы не отстать отъ нихъ...

Все всполошилось, пришло въ движеніе. Началась всеневная жизнь. Всполошились даже верблюды въ ожиданіи того, что скоро наступитъ минута, когда опять нагрузятъ несносные вьюки и мѣха съ водою на ихъ мозолистыя, протертыя до крови спины. Они жалобно заревѣли, и тотъ ревъ, похожій на вошь, исторгшійся изъ ихъ многострадаальной груди, выражалъ протестъ дальнѣйшему путешествію. Разумѣется, не этотъ протестъ животныхъ, а другія соображенія заставили хаджей остаться на этомъ мѣстѣ цѣлый день и провести еще одну ночь у животворной